

У Майи Нучерской вышел второй том в биографической серии «Жизнь замечательных людей». Нет, не так. Не так надо начинать. А начать следует с того, что автор этих строк — давний и многолетний поклонник и собиратель серых томинов жезээловской серии. Поэтому когда начинаю писать рецензию на книгу, изданную в этом импринте, выстраиваются некие ряды, ассоциации. Ну, скажем, в 2020 году (книга Майи Нучерской датирована 2021 годом, но вышла еще в конце прошлого) вышло довольно мало — меньше, чем обычно, — писательских биографий. Нонечно, нельзя не упомянуть гигантский (1026 страниц) том Захара Прилепина о Есенине. Были неожиданные книги: например, Александр Сенкевич, прежде отметившийся жизнеописаниями Будды и Блаватской, написал книгу о Венедикте Ерофееве. Анна Ветлугина, издавшая в «ЖЗЛ» книги о Франциске Ассизском и Игнатии Лойлое, написала историю жизни Данте. Михаил Манеев написал отличную биографию Афанасия Фета. Еще были биографии Валерия Брюсова, Давида Бурлюка, Черубины де Габриак — писателей, которых при всем уважении нельзя назвать популярными у современных читателей.

А тут — Леснов. Еще четыре года назад, когда только появились первые упоминания, что Майя Нучерская пишет для «ЖЗЛ» книгу о Лескове, ждал ее с нетерпением. И дело не в Лескове. Важно, что Майя Нучерская снова обратилась к биографическому жанру. Ведь в 2005 году в той же серии «ЖЗЛ» у нее уже выходила книга. Неожиданный выбор главного героя — Константин Павлович, цесаревич, великий князь, младший брат императора Александра. В биографическом жанре существует целое направление, разрабатывающее тему «некоронованных Романовых», целая библиотека написана о великих князьях и княгинях, но «Константин Павлович» Майи Нучерской, на мой взгляд, — одна из лучших в этом жанре. Жизнь цесаревича Константина могла сложиться иначе.

Имя ему подобрала бабка, Енатерина Великая. Она верила, что с таким именем Константин когда-нибудь въедет на белом коне в Стамбул, вернет православную веру Константинополь. Декабристы именем Константина вывели солдат на Сенатскую площадь в декабре 1825 года. Вот только сам Константин, насколько можно сделать вывод, вряд ли заслуживал, чтобы о нем была написана такая вдохновенная, сильная, яркая биография, канюю написала Нучерская. С одной стороны, по ее словам, «судьба как будто уготовила Константину будущность великую. Высокое происхождение, тщеславие бабки, бездетность старшего брата и роль наследника российского престола — все предвещало ему грядущее самое героическое». С другой — «обладая прекрасными задатками, получив от судьбы в дар высокое происхождение, доброе сердце, трезвый ум, Константин Павлович проиграл всем, всё или почти всё: не состоявшись как государственный деятель, как умный полководец, как король и царь».

Биография Константина Павловича — это рассказ о человеке, который, обладая исключительными стартовыми условиями, разбазарил свою жизнь по мелочам. А ведь мог бы стать... (и тут можно подставлять любые фантазийные должности, возлагать на его голову несостоявшуюся корону императора возрожденной Византии). Иными словами, Константин Павлович — «прозванный гений» русской истории, но «прозванным» он стал исключительно по собственной воле. Николай Лесков, герой второй биографической книги Майи Нучерской, стал «прозванным гением» по воле обстоятельств, из неприязни современников и равнодушия потомков.

Биография Лескова появилась очень своевременно. Вовсе не потому, что это первая книга о Лескове за всю 120-летнюю историю биографической серии «НЗЛ», представьте! Его современникам-писателям повезло нуда больше. О Достоевском в той же серии вышло пять книг, о Салтыкове-Щедрине — четыре. Тургенев, Писемский, Чехов и многие другие современники Лескова — все удостоены персонального тома в самой популярной биографической серии. А вот Лескову столько лет не везло. «XX век забывал Лескова постепенно», пишет автор, и подробная хронология забвения (гибель рукописи книги о Лескове, которую писал его сын), превращение большого и важного для нашей культуры писателя в автора брошюр-рассказов — это составляет отдельный и серьезный, почти детективный сюжет лесковской биографии, его посмертного существования.

Своевременность книги о Лескове, на мой взгляд, в том, что она знакомит нас не с полузабытым писателем. Вовсе нет. Майя Нучерская вводит Лескова в понятный нам современный контекст, показывает не писателя, а человека в процессе поиска идеала. Показывает, как умный, серьезный, страстный человек проходит через обольщения, искушения, разочарования. И Лесков в ее книге — живой, и сама Нучерская относится к нему не как к покрытой хрестоматийным глянцем фигуре, а как к живому собеседнику, парадоксальному мыслителю, она с ним спорит, она сожалеет, возмущается, протестует — и это делает Лескова близким и понятным мне как читателю. У нас не так много писателей, чьи духовные искания и заблуждения хочется обсуждать. Следить за творческими и жизненными эволюциями Лескова в изложении Майи Нучерской прежде всего невероятно познавательно.

И еще одно важное достоинство этой книги. В жизни любого человека важны не только события его частного существования, важен фон,

контекст, эпоха. И вот этот фон в книге создан безупречно. Многого в книге «Лесков. Прозванный гений» рассказано не для того, чтобы «дать представление» читателю о происходящих событиях. Майя Нучерская не просто показывает, как Лесков-писатель и Лесков-журналист жил в то время. Она делает то, чего авторам писательских биографий удается крайне редко: выстраивает двойную перспективу, когда события из жизни писателя отражаются, проецируются, переосмысляются им в художественных произведениях. И вот эта возможность проследить вслед за автором подобные превращения — совершенно удивительный читательский опыт, уж поверьте.

Ведь что средний читатель знает о Лескове? Да ничего практически. Что он автор «Левши», рассказа из школьной хрестоматии. Я вот со школы привык думать, что это такой гимн пролетарию, простому рабочему, который своим умением утер нос Западу. А ведь это, если вдуматься, история русского дурана. Ноторый косой, левша, но берется переделывать заморскую диювину, стальную танцующую блоху. И переделывает ее так, что диювина перестает работать, но носорукий дуран своей работой гордится — а главное, начальство его хвалит: утер, мол, косой, нос Западу! «Левшу» ведь можно и так повернуть, и эта, и в этом не просто мастерство автора: этот сказ написан человеком, который очень хорошо и глубоко понимал какие-то очень важные качества русского национального характера.

Ведь Лесков — он ведь и есть такой Левша, не сумевший починить собственную жизнь, растративший ее на газетные баталии да изматывающую журналистскую поденщину. Скромный (потрясла его последняя воля в завещании «погребсти тело мое самым скромным и дешевым порядком»), противоречивый, но вместе с тем зоркий, умный, умеющий разглядеть то, чего другие не видят. Я уже не говорю о том, что Лесков был страстным стилистом, изобретателем, экспериментатором, одним из первых модернистов, старавшихся сохранить в своих текстах настоящую русскую речь. Николай Семенович Лесков был очень русским человеком — со всеми его отвратительными, курьезными, драматическими и героическими особенностями. И поэтому ему, как никому другому, удалось показать русскую душу, русскую ментальность, русскую жизнь с ее идиотизмом отношений между властью и народом, ее мертвечиной официозной идеологии и праведным светом в душах простых людей. Спасибо ему за это. И спасибо Майе Нучерской за то, что многие благодаря ее книге смогут оценить масштаб личности, таланта и широту души замечательного русского писателя и человека Николая Лескова.

